

Г. М. ТУЖАРОВ (Йошкар-Ола)

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ НЕМАРКИРОВАННЫХ ПАДЕЖЕЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В марийском языке исследователи выделяют два винительных падежа — определенный и неопределенный (или неоформленный), однако мы считаем наличие последнего недоказанным. Авторы теории о неоформленном винительном падеже должны бы признать в марийском языке, кроме него, и другие немаркированные падежи, такие, как, скажем, родительный, дательный и т. д., если бы они рассматривали грамматические категории существительного в единстве и взаимосвязи, во взаимозависимости и взаимодействии. Однако признание наряду с неоформленным винительным падежом немаркированных генитива, датива привело бы к теоретической ошибке, так как все немаркированные имена имеют общность происхождения и тождественные закономерности функционирования. Они одинаково восходят к древнейшим периодам развития марийского языка и являются начальной формой имени. Мы считаем, что эту начальную форму на современном этапе правильнее называть именительным падежом.

Для выражения субъекта действия в марийском языке именительный падеж регулярно выступает и вместо дательного: «*Учительын верже — школышто, учитель орол пörтыш коштман огыл . . .*» — «*Знаме, учительлан орол пörтыш коштман огыл!*» (Чавайн 1981 : 204) '«Место учителя — в школе, учитель не должен ходить в сторожку . . .» — «Известно, учитель не должен ходить в сторожку!»'. Здесь в третьей предикативной единице с инфинитивом долженствования *коштман огыл* 'не должен ходить' для выражения субъекта употреблена форма дательного падежа *учительлан* 'учителю', а во второй предикативной единице — немаркированное имя, форма именительного падежа *учитель*. Подобное выступление этой формы в функции субъекта вместо датива осуществляется в соответствии с морфологическим строем марийского языка и не противоречит его закономерностям. Для сравнения приведем еще два примера: *А мыят каласем: калык палыме ең лий, Сергей эргым! Тыйым пален, калык Кугу Вочармам, Савак марийым палаш тўналже* (Орай 1973 : 50) 'И я скажу: будь известным человеком народу, сынок Сергей! Зная тебя, народ пусть знает Большую Вочарму, савакских мари'; *Лапка Семон уло калыклан палыме ең лие* (Лекайн 144) 'Лапка Семен стал известным человеком всему народу'. Для выражения субъекта в первом предложении с причастием *палыме* 'известный' сочетается форма именительного падежа *калык* 'народ', во втором — форма дательного падежа *калыклан* 'народу'.

Немаркированное имя для выражения субъекта вместо дательного падежа употребляется со следующими словоформами: 1) с инфинитивом

на -аш: *Ушкал шогаи кажнылан посна вер уло* (Шкетан 1966 : 289) 'Каждой корове (стоять) есть отдельное место'; *Адак шошым мландыш лум вўд вита, тудат рокым нөремдаш полиша, шурно кушкашлан лач келшыме лиеш* (там же, 105) 'Весной в землю еще просачивается снежная вода, и она помогает увлажнять почву, создает подходящие условия для роста озими'; 2) с инфинитивом на -ман: «*Тыгай улан енгын ўдыржў тугай нужна дене кузе коштман?*» — манеш (Ялкайн 1958 : 8) '«Дочь такого богатого человека как может дружить с таким бедным?» — говорит'; *Геройым автор палыман* (Галютин 134) 'Автору должно знать героя'; 3) с описательными глагольными формами и другими словоформами: ... *тўды тымден: мары, руш, армян — цила наций келеш пижаш иктыш, пыт шагалаш ырик знамя йыр* (Ильяков 1979 : 32) '... она учит: марийцам, русским, армянам — всем нациям надо объединиться и решительно встать под знамя свободы'; *Папа кушташ шомыкы, пўрт каштажы, перегалт!* (Матюковский 1983 : 111) 'Когда очередь дойдет плясать бабушке, то, перекладина, стерпи!'; *Тўнам мўат шукуракым ўдаш келеш* (Ильяков 1961 : 214) 'Тогда и нам побольше нужно сеять'.

Форма именительного падежа вместо дательного выступает и для передачи следующих значений: 1) профессии, должности, вида трудовой деятельности: «*Вўржым ыште, родем: пулатнык ыштымаште да монь кўлеш лиеш*», — манеш марий (Чавайн 1980 I : 240) '«Сделай шило, друг мой: станешь плотничать и т. д. — пригодится», — говорит мариец'; 2) различных количественных отношений при сравнении предметов по различным признакам, временных, пространственных понятий: *Мустай. Уке, уке, тый мый дечем вич ий кугу улат* (Чавайн 1980 II : 154) 'Мустай. Нет, нет, ты старше меня на пять лет'; *Таче радиоувер ик шагат гыч толаш тўналеш, садлан погынмашымат ик шагат ончыч ышташ тўналаш возеш* (там же 205) 'Радиозвония сегодня начнут передавать в час, поэтому и собрание придется начать на час раньше'; *Марий але мландым куралеш веле, а шонымыжо тудын пел ий умбак эртен каен* (Сави 1978 : 104) 'Мариец еще только пашет землю, а его мысли ушли на полгода вперед'.

Иногда однофункциональные однородные члены предложения употребляются и в именительном, и в дательном падеже — как синонимические формы: *Эр кочкыш, кас кочкышланат эре рестораныш кондат* (Вишневский 40) 'И на обед, и на ужин всегда привозят в ресторан'; *Лач папа, тотьявлан веле, изивлан веле тўнам солашты йлаш яра* (Игнатьев 1970 : 72) 'Как раз тогда можно жить в деревне только бабушкам, дедушкам, только детям'. Но если между именем и управляющим словом имеются другие слова, то субъект, как правило, стоит в дательном падеже: *Ик десятина шурнылан талук мучко кушкашыже 300000 пуд вўд кўлеш* (Шкетан 1966 : 104) 'Для роста хлебов в течение года на площади одной десятины нужно 300000 пудов воды'; *Анук! Йогорлан Ронго гыч толашыже жап вашке шузи вет* (Тыныш 1967 : 63) 'Анук! Скоро ведь подойдет время приехать Егору из Ронги'.

Для выражения субъекта имя принимает форму дательного падежа в сложных синтаксических конструкциях: «*Садлан мыланна, кажне совет салтаклан, йылме дене огыл, боевой паша дене сержымашым кондыман!*» — воктеньшт шинчын, Сергей ойлаш тўналеш (Орай 1973 : 133) '«Поэтому нам, каждому советскому солдату, не языком, а боевым подвигом надо ковать победу!» — сев рядом с ними, Сергей начинает говорить'; *Лапка Семен уло калыклан палыме ен лие* (Лекайн 144) 'Лапка Семен всему народу стал известным человеком'.

Небезынтересно, что в венгерском языке для выражения субъекта и объекта действия может употребляться и дательный падеж. Однако в этих функциях весьма активно конкурирует с ним именительный. Как

отмечает К. Е. Майтинская, для выражения субъекта и объекта действия последний употребляется в большинстве случаев (1955 : 131). Исследователи венгерского языка объективно решают вопрос о немаркированных именах — квалифицируют их как формы именительного падежа. Вопрос, в частности, о неоформленном дательном падеже не ставится.

Немаркированное имя довольно регулярно употребляется и для выражения образа и способа действия. Тогда оно конкурирует с инструктивом на *-(ы)н*: *Чурийже гын тудо пеш моторак огеш кой...* (Тыныш 1964 : 32) 'На лицо она не очень красиво выглядит'; *Сай каластыме, пеш сай!* — *Валя содор пелешта* (Ялкайн 1967 : 106) 'Хорошо сказано, очень хорошо! — Валя поспешно произнесла'.

Для выражения способа действия немаркированные имена могут сочетаться 1) с неспрягаемыми глагольными формами и отглагольными существительными: *Ялантай...* *Тыгай годым идымвече шўвыр-тўмыр шогыман!* (Коршунов 251) 'Ялантай... В такое время на гумне должно быть так, словно там играют в барабан (букв. волынка-барабан должно стоять)'; *Шкетнаок ылмына годым таланда вот мам келесынем, Ваштаров тэнг* (Ильяков 1957 : 200) 'Когда мы одни, вам хочу сказать вот что, товарищ Ваштаров'; 2) с описательными формами глаголов: *Садэ дружинник-влакат имнэз оза-влакым шомпыл дэнэ вўр вузык кырэн кодэныт* (Шкетан 1935 : 71) 'И те дружинники владельцы лошадей избили шомполом, пока не стали все в крови (букв. кровавая масса избили)'; *Тольчы лум-пурак кудалын рвезе пагыт гычын пуйто: їмбакет тунам ончалын, кум ий годым мый шым утло* (Канюшков 11) 'Приехала, как снежный вихрь, словно из поры молодости (букв. снег-пыль приехала): посмотрев тогда на тебя, три года я не мог прийти в себя'; 3) со спрягаемыми формами глаголов: *Тендан верчын, тымык кава верчын ныл ий нар вўр вузык кредална* (Майн 141) 'За вас, за мирное небо около четырех лет сражались так, что все были в крови (букв. кровавая масса сражались)'; *Ой-й, юмо серлаге! Мый гын кўзё-товар шогеж ыле* (Орай 1978 : 45) 'Ой-й, боже сохрани! Что касается меня, то я с ножом и топором стояла бы (букв. нож-топор стояла бы)'. Как показывает анализ, рассматриваемые немаркированные имена в абсолютном большинстве случаев сочетаются со спрягаемыми формами глаголов. Для выражения образа и способа действия употребляются морфологически не выраженные словоформы следующих частей речи: 1) категориально не дифференцированных слов: *Кызытеш чеверын. Сай кодса!* — *Петр Григорьевич кажныжлан кидишым шуялтыш* (Тыныш 1967 : 22) 'Пока до свидания. Всего доброго! — Петр Григорьевич каждому руку свою протянул'; *Вет «йўдвел порсыным» жапыштыже поген налат гын веле, тудо сай качестван лиеш да государство шергырак тўла* (Марий коммуна, 6/IX 1983) 'Ведь «северный шелк» тогда будет высококачественным, когда его вовремя уберешь. И государство тогда дороже платит'; 2) числительных: *Паштекиш вет кушкыт техеньвлэ тўжем* (Матюковский 1966 : 51) 'Следом ведь растет таких тысячи'; ... *папавлэ веле коктыкымыт кайыт* (Игнатъев 1970 : 6) '... только бабушки видны по две — по три'; 3) вместо инструктивной формы существительное или сочетание двух существительных, связанных сочинительными союзами *ден, да 'и'*, в именительном падеже; существительное может иметь определения, выраженные разными частями речи: *Мемнан ротына так кая, чапна элыш шокталеш* (Сави 1982 : 130) 'Наша рота шагает в ногу (букв. друг шагает), наша слава известна в стране'; *Оксиня кува...* *А ватет...* *оржаш кержалтын, кудывече мучко шикши-пурак кудалыштеш* (Волков 183) 'Старуха Оксиня... А твоя жена... вцепившись в гриву, по двору так скачет, что пыль столбом стоит (букв. пыль-дым скачет)'; *Илышыште чылажат лиеш — сайжат, томамжат. Илыш чыла*

годымат үй да мүй ок эрте (Юзыкайн 56) 'В жизни все бывает — и хорошее, и плохое. Жизнь не всегда идет, как по маслу (букв. жизнь... масло да мед не идет)'

Анализируемые морфологически не оформленные имена могут выражать также количественно-совместное значение, если соотносятся с основами, указывающими на количество: *Паштекшы вет кушкыт техеньвлә тыйжем* (Матюковский 1966 : 51) 'Следом ведь растет таких тысячи'.

Немаркированные имена, выражающие способ действия, встречаются в диалектах марийского языка: марСЗ *Цәрә йал каштеш* 'Босиком ходит (букв. босая нога ходит)'; *Цәрә вуй каштеш* 'Без головного убора ходит (букв. голая голова ходит)'; марЮ *Цара вуй коштеш* 'Без головного убора ходит'; *Цара йол коштеш* 'Босиком ходит'.

Спорадически немаркированные имена в марийском языке могут выполнять функции пространственно-местных падежей. Например, морфологически не оформленные имена с основой на *-ш* употребляются в функции иллатива, указывая на направление действия внутрь или на поверхность чего-либо: *Шоик шүшкалтем да курскамын помыш пурен возам* (Китиков 106) 'Свистну и — за пазуху зятя'; *Лүдде корным ружге шәрат мйндыр Космосын пындаш* (Матюковский 1964 : 19) 'Бесстрашно пути открывают в далекий космос'; *Ма ли, ма ли кидем-ялем? Шайык цакнем, пындаш валем!* (Игнатъев 1969 : 45) 'Что случилось с моей рукой, с моей ногой? Отступаю назад, иду на дно!'; *Тылан лыдышвлә дон пырена, тышман гыц лүдде, кредалмаш* (Матюковский 1974 : 6) 'С огненными стихами, не боясь врага, вступали в бой'; *Рвезы халыкшы шынгалты ружге пакы тыменьмаш* (там же, 19) 'Молодежь яростно взялась за дальнейшую учебу'. Необходимо все же отметить, что здесь *погынымаш* 'на собрание', *кредалмаш* 'в бой' и т. д., выступающие в синтаксической функции иллатива, не адекватны в полном смысле слова формам номинатива. Субституция иллативных форм «номинативными» приводит к тому, что у последних изменяются синтаксические функции и грамматическая природа. Западные и восточные наречия марийского языка характеризуются особенностями словесного акцентирования. В луговом и восточном наречиях ударение разноместное, в горном и северо-западном — на пенультиве (Коведяева 1970 : 4; Иванов 1965 : 17). А у существительных *кредалмаш* 'в бой', *тыменьмаш* 'на учебу', внешне сходных с номинативом и выступающих в функции, выполняемой иллативом, происходят морфофонетические изменения. Грамматикализация главным образом отглагольных имен в функции направительного падежа слов с основой на шипящий *ш* после *а* конституируется перемещением ударения на последний слог: *тыменьмаш* 'на учебу'. Это явление особенно характерно для горномарийской литературной нормы, северо-западного и горного наречий. В словах с редуцированными *ы*, *й* в последних слогах ударение перемещается на один слог к началу слова: *помыш* 'за пазуху'.

Реже встречаются немаркированные имена в функции местного падежа: *Чыла вере илен ончен, Москоет, Ленинградет* (марЛ) 'Везде пожил — и в Москве, и в Ленинграде'; *Адакшым нуныштым тётрет пуч денат кычкырен конден от керт — Йошкар-Ола да тулеч моло вере ылыштыт* (Ончыко 1982 II 105) 'Опять же их никакая сила не приведет (букв. и дудкой не пригласишь), в Йошкар-Оле и в других местах живут'. Иногда немаркированные имена и формы направительного или местного падежа выступают как синонимические: *Йыдым — паркыш, кино, клубет...* (Игнатъев 1969 : 90) 'Вечером — в парк, кино, клуб'; *Овдаки... Тунам ала ученый огыл, күтүшкыжат тыйым огыт пурто* (Коршунов 20) 'Овдаки... Тогда, может, не только в ученые, в пастухи тебя не примут'.

Немаркированное имя в горномарийской литературной норме может выступать вместо форм сравнительного падежа. Оно указывает, что с действием, состоянием данного предмета сравнивается действие, состояние другого или один предмет сравнивается с другим: *А тйи вереман эче Земля пеледеш, сарна мадышок* (Матюковский 1966 : 10) 'А в то время Земля еще цветет, вращается словно игрушка (букв. Земля еще цветет, вращается игрушка же)'; *Дй выргемжы нелы, нелы, шыпшеш, валта ййкырок* (Матюковский 1983 : 82) 'Да его одежда тяжела, тянет на дно, словно якорь (букв. тянет, спускает якорь же)'. Немаркированное имя, указывающее на компаративные отношения, сочетается главным образом со спрягаемыми формами глаголов и употребляется с усилительной частицей *-ок*. Выступая вместо форм сравнительного падежа, оно указывает также, в качестве кого или чего выступает данный предмет, в каком отношении к другому предмету он находится: *Хоть уверым кйзыт нелым коллым, кем тишецын, Праско, тйнгеток* (Ильяков 1979 : 27) 'Хотя тяжелую весть сейчас услышал, уйду отсюда, Праско, другом твоим'; *Мйнь яратем тйньым курымок... Кем тишецын, Праско, тйнгеток* (там же) 'Я полюбил тебя на веки вечные... Уйду отсюда, Праско, твоим другом'.

Недоказанность теории о неформленном винительном падеже показывают и такие факты. Во-первых, для выражения определенных падежных значений наряду с немаркированным именем в одном и том же предложении могут употребляться другие падежные формы как синонимические. Если признать теорию немаркированного аккузатива, то каким неформленным падежом следует считать немаркированное имя в подобных случаях? Например: *Шонем тудым кажне ййдым, кажне кечын, кажне час* (Арбан 7) 'Думаю о нем каждую ночь, каждый день, каждый час'. Здесь темпоральные отношения передают формы аккузатива *ййдым* 'ночь', генитива *кечын* 'день' и немаркированное имя *час*. По теории немаркированного аккузатива возникает вопрос, каким неформленным падежом — винительным или родительным — считать словоформу *час*? Во-вторых, бывают случаи, когда вместо немаркированного имени в предложении возможно несколько падежных форм. Например, в *Мый тиде кечак возен колтышым* (Тыныш 1967 : 65) 'Я в этот же день написала и отправила' немаркированное имя *кечак* 'день же' для выражения временных отношений употребляется и в генитиве *кечынак* и в инессиве *кечыштак*. И здесь возникает вопрос: каким неформленным падежом считать словоформу *кечак*? Аналогично можно проанализировать предложение *Кодшо ий кок ялысе 16 ен дене погынен кедр пйкеш погымо артельым ыштеныт улмаш* (Ялкайн 1958 : 241) 'Из 16 человек от двух деревень в прошлом году организовали было артель по сбору кедровых орехов'.

Немаркированные имена регулярно употребляются в лугово-восточной и горномарийской литературных нормах, во всех диалектах современного марийского языка. Они выполняют разнообразные синтаксические функции, указывают на конкретный объект и субъект действия, выражают эссивные, пространственные, темпоральные, квантитативные, компаративные и т. п. отношения. Морфологически не оформленные имена функционировали в древне- и прамарийском языке. На современном этапе развития марийского языка их следует квалифицировать как формы именительного падежа.

Немаркированные имена, т. е. формы именительного падежа, выступающие в функциях косвенных падежей, выявлены во многих родственных и неродственных языках.

Прямое дополнение, выраженное именем в именительном (основном) падеже, встречается во всех самодийских языках (Терещенко 1973 :

177; Wickman 1955). На частую замену винительного падежа соответствующей формой именительного в тазовском диалекте селькупского языка указывает Г. Н. Прокофьев (1935 : 85). Форма именительного падежа для выражения прямого дополнения регулярно выступает в венгерском (Horger 1934 : 125), финском (Penttilä 1963 : 594), эстонском (Valmet, Uuspõld, Turu 1981 : 252—253), пермских (Wickman 1955 : 56—59; Tauli 1966 : 17 и др.) и других языках. Ф. И. Буслаев писал, что особенно замечательным фактом в древнем и народном русском языке является употребление именительного падежа вместо винительного: *дати ему на то его село и на деревни своя новая грамота жалованная* (1862 : 148).

В ряде родственных и неродственных языков форма именительного падежа, как и в марийском, используется для выражения синтаксических функций не только аккумулятива, но и других косвенных падежей — генитива, датива и т. д. В селькупском языке основной падеж нередко употребляется наряду с родительным (Беккер 1978 : 26), иногда — в функциях, выполняемых, как правило, дательным-направительным (там же, 27). Данная функциональная характеристика основного падежа селькупского языка свойственна аналогичному падежу кетского языка (Валл 1970 : 41). В энецком языке форма имени, служащего для выражения прямого дополнения, в одних случаях совпадает с формой основного падежа, в других — с формой родительного (Терещенко 1973 : 174). В большинстве диалектов венгерского языка отсутствует оформитель винительного падежа *-t*, когда прямое дополнение не имеет определения и относится к инфинитиву: *kiment bab szennyi* 'он пошел собирать фасоль' (Horger 1934 : 125). В отдельных функциях венгерский именительный падеж конкурирует с дательным, причем употребляется в большинстве случаев (Майтинская 1955 : 134). Исследователи чувашского языка до недавнего времени считали, что именительный падеж может выступать в функциях родительного, винительного, дательного и других падежей для выражения неопределенности предмета. По установившейся традиции они употребляли термины родительный неформленный, винительный неформленный, именительный в функции дательного и т. д. (Дмитриев, Горский 1951 : 879; Ашмарин 1898 : 130). Однако в исследованиях последних лет, на наш взгляд, вполне объективно утверждается, что теоретические обоснования «неформленных» падежей сомнительны. В настоящее время справедливо считается, что основной падеж объединяет прежние (традиционные) именительный, неформленный родительный и неформленный винительный (Материалы по грамматике чувашского языка 1957 : 13—15). Ряд тюркологов утверждает, что именительный (основной) падеж может выступать в функциях всех остальных падежей, особенно часто — родительного и винительного. Однако некоторые исследователи тюркских и финно-угорских языков эту точку зрения считают ошибочной. Например, авторы грамматики казахского языка утверждают, что падежи в современном казахском языке, преимущественно родительный и винительный, могут выступать без аффикса (Современный казахский язык 1962 : 160). Аналогичная трактовка данной проблемы дана в грамматике татарского языка (Современный татарский литературный язык 1969) и в грамматике марийского языка (Кармазин 1929 : 97).

В финно-угроведении существует мнение, что немаркированное имя указывает на неопределенный объект, а имя в форме аккумулятива — на определенный. К. Е. Майтинская отмечает, что в пермских языках прямое дополнение передается двумя формами: номинативной, если оно выражает неопределенный объект, или аккумулятивной, если выражает определенный объект полного охвата действием (1979 : 102). Однако в

марийском языке форма номинатива может указывать на вполне конкретный и определенный объект, субъект и т. д. Причем в форме номинатива одинаково выступают и неодушевленные и одушевленные существительные, в том числе личные и собственные. В данных предложениях именительный падеж одушевленных и неодушевленных существительных указывает на объект: *Орина... Э-э, Ондриэм Петр вайы доран кодышым* (Игнатьев 1969 : 217) 'Орина... Э-э, своего Андрея оставила у жены Петра'; *Дә ўжам семем дон мыйнь тӑнглӑэм тиш* (Матюковский 1954 : 9) 'Да своих друзей сюда зову я моим мотивом'; *Эргым, мыйын Миклаем але Васлием салтакыште ужын отыл дыр?* (Юзыкайн 264) 'Сынок мой, моего Николая или Василия в армии не видел, очевидно?'; *Йомын коштышо ўдырем, Ануком, муынам, — манеш ачай* (Тыныш 1967 : 38) 'Потерявшуюся дочь свою, Анок, нашел, — говорит отец'; *Кинды Родинем силангда* (Горный 28) 'Хлеб делает мощной Родину мою'. В следующих предложениях форма именительного падежа одушевленных существительных указывает на субъект: *Вара учитель кен колтымыкы, Йогор Семен Опанасланжы келеса...* (Ильяков 1959 : 20) 'После того как ушел учитель, Семен Егорович своему Афанасию говорит...'; *Толоконцев тӑнгалмы социалистический соревнований лесочасткын цила бригадывлӑшкы шӑрлен кен* (там же, 137) 'Социалистическое соревнование, начатое Толоконцевым, распространилось во все бригады лесочастка'. В других финно-угорских языках номинатив тоже может указывать на конкретный и определенный объект. Н. М. Терещенко отмечает, что во всех случаях, когда прямое дополнение в самодийских языках выражено именем в форме основного падежа, особое внимание говорящего сосредоточено на прямом объекте (1973 : 178). Форма основного падежа довольно часто используется для выражения вполне определенного объекта в языке селькупов Томской области (Беккер 1978 : 48). Б. А. Серебренников в работе об определенности-неопределенности и о двух способах выражения прямого объекта действия утверждает, что нельзя не отметить известной тенденции к устранению этой двойственности, особенно заметно проявляющейся в уральских языках. Он указывает, что в марийском языке произошло почти полное обобщение формы винительного падежа, и считает, что прежнее состояние сохраняется только в реликтовом виде, например, *кол кучаш* 'ловить рыбу' (1974 : 347—350). Однако следует заметить, что в приведенном примере *кол* 'рыба' может выступать только в форме винительного падежа, когда в предложении действуют определенные правила и закономерности. В данном случае, например, если между объектом действия и инфинитивом употребляются другие члены предложения или если объект употребляется в постпозиции по отношению к инфинитиву, то существительное для выражения прямого объекта может быть лишь в форме аккузатива: *Колым тӱге кучаш ок лий* 'Рыбу так ловить нельзя'; *Нигузе ок лий кучаш колым* 'Никак нельзя поймать рыбу'. В подобных конструкциях морфологически не оформленное имя вообще не употребляется. В марийском языке номинатив и аккузатив прямого дополнения не различаются по семантике. В то же время нельзя согласиться с выводом исследователей, когда они утверждают, что обе конструкции, выполняя одинаковую синтаксическую функцию, могут взаимозамещаться без изменения смысла (Казанцев 1979 : 14). Б. А. Серебренников считает также, что четкость употребления винительного падежа нарушилась в удмуртском и в самодийских языках. Значительно нарушены прежние закономерности в прибалтийско-финских языках. Обобщение формы винительного падежа наблюдается и в венгерском языке (Серебренников 1974 : 347—350).

Мы склонны считать, что немаркированные имена марийского языка своими корнями уходят в древнее состояние языка. Морфологически не

оформленные имена имели место в прафинно-угорском языке. Употребление *-t* для выражения прямого дополнения, как и *-n* для выражения притяжательной связи, в прафинно-угорское время не во всех случаях было обязательным (Майтинская 1974 : 242). Возможность употребления неформленного имени в указанных функциях сохраняется, кроме марийского, и в других современных финно-угорских языках. Известно также, что грамматическая структура относительно инертна к иноязычным воздействиям (Вайнрайх 1972 : 106), и падежные формы, как правило, не заимствуются (Майтинская 1979 : 113). В марийском языке неформленные имена регулярно выполняют синтаксические функции не только аккузатива, но и генитива, реже — датива и других падежей.

В марийском языке бывают случаи, когда одна и та же словоформа может управлять двумя или несколькими немаркированными именами. Формы именительного падежа тогда выполняют различные синтаксические функции. Они могут указывать на а) субъект действия: *Ўдыр-влак Корий кугыза ден Клавий шогымашыла ончал колтат* (Чавайн 1981 : 38) 'Девушки посмотрели в ту сторону, где стояли дед Корий и Клавий'; б) объект действия: *Коремыш волен, памаш вўдым шер теммеш йўым, пўжалтише сангам, шўргем йўшто вўд дене шўялтышым* (Тыныш 1967 : 26) 'Спустившись в овраг, вдоволь наполнилась ключевой воды, вспотевшая свой вспотевший лоб, свое лицо холодной водой'; в) первое немаркированное имя может указывать на субъект действия, второе — на объект: *пырыс ужын маска рок тарвалтым* (марЛ) 'Кошка видела, как медведь передвигал комок земли'. Немаркированные имена в одинаковых синтаксических функциях могут соединяться сочинительными союзами: *Чужган кугыза Яшай ден ўдыржў толмым ала кушеч ужын . . .* (Чавайн 1981 : 170) 'Дед Чужган как-то увидел, что пришли Яшай с дочерью'.

Сокращения

Арбан — Н. Арбан, Пьеса-влак, Йошкар-Ола 1977; **Вишневский** — С. Вишневский, Шўм волгыдо, Йошкар-Ола 1980; **Волков** — А. Волков, Посана, Йошкар-Ола 1981; **Галютин** — Ю. Галютин, Авамланде, Йошкар-Ола 1983; **Горный** — И. Горный, Анжалам сандалькем, Йошкар-Ола 1970; **Игнатъев** — Н. Игнатъев, Айырен погымы произведенийвлӓ I, II, Йошкар-Ола 1969, 1970; **Ильяков** — Н. Ильяков, Пӓльмемвлӓ, Йошкар-Ола 1959; Эдемвлӓ дӓ ивлӓ I, II, Йошкар-Ола 1957, 1961; **Опак Микита**, Йошкар-Ола 1979; **Канюшков** — А. Канюшков, Рвезе пагыт гычын пуйто. — Ончыко, № 4, Йошкар-Ола 1983; **Китиков** — А. Китиков, Марий калык тушто-влак, Йошкар-Ола 1967; **Коршунов** — К. Коршунов, Пьеса-влак, Йошкар-Ола 1979; **Лекайн** — Н. Лекайн, Кўртньў вий, Йошкар-Ола 1971; **Майн** — М. Майн, Волгыдо урем, Йошкар-Ола 1981; **Матюковский** — Г. Матюковский, Шўмын викшы, Йошкар-Ола 1954; **Шыдыр**, Йошкар-Ола 1964; **Земля чоңешта**, Йошкар-Ола 1966; **Кым эргы**, Йошкар-Ола 1974; **Туан сӓндалык**, Йошкар-Ола 1983; **Орай** — Д. Орай, Чолга шўдыр, Йошкар-Ола 1973; **Тўтыра вошт**, Йошкар-Ола 1978; **Сави** — В. Сави, Эрык муро, Йошкар-Ола 1978; **Сылнымут памаш**, Йошкар-Ола 1982; **Тыныш** — О. Тыныш, Анок акай II, III, Йошкар-Ола 1964, 1967; **Чавайн** — С. Чавайн, Возымыжо кум том дене лукталтеш I, II, III, Йошкар-Ола 1980, 1981; **Шкетан** — М. Шкетан, Илыш ўжэш, Москва 1935; М. Шкетанын публицистикыже, Йошкар-Ола 1966; **Юзыкайн** — А. Юзыкайн, Тулото, Йошкар-Ола 1978; **Ялкайн** — Я. Ялкайн, Оңго, Йошкар-Ола 1958; Ола, Йошкар-Ола 1967.

ЛИТЕРАТУРА

- Ашмарин Н. И. 1898, Материалы для исследования чувашского языка I—II. Фонетика и морфология, Казань.
 Беккер Э. Г. 1978, Категория падежа в селькупском языке, Томск.
 Буслаев Ф. И. 1862, Историческая грамматика русского языка, Москва.
 Вайнрайх У. 1972, Одноязычие и многоязычие. — Новое в лингвистике VI, Москва, 25—60.
 Валл М. Н. 1970, Употребление падежей в кетском языке. Канд. дисс., Томск.

- Галкин И. С. 1964, Историческая грамматика марийского языка. Морфология I, Йошкар-Ола.
- Дмитриев Н. К., Горский С. П. 1951, Краткий грамматический очерк чувашского языка. — Русско-чувашский словарь, Москва, 872—896.
- Иванов И. Г. 1965, Фонетика тоншаевского говора марийского языка. Автореф. канд. дисс., Тарту.
- Казанцев Д. Е. 1979, Истоки финно-угорского родства, Йошкар-Ола.
- Кармазин Г. 1929, Марий йылмэ лончыш I, Моско.
- Коведяева Е. И. 1970, Проблемы акцентуации марийского языка, Москва.
- Лыткин В. И. 1957, Историческая грамматика коми языка I, Сыктывкар.
- Майтинская К. Е. 1955, Венгерский язык I. Введение, фонетика, морфология, Москва.
- 1974, Сравнительная морфология финно-угорских языков. — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва, 214—382.
- 1979, Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва.
- Материалы по грамматике современного чувашского языка I, Чебоксары 1957.
- Пенгитов Н. Т. 1961, Имя существительное. — Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола, 29—72.
- Прокофьев Г. Н. 1935, Селькупская (остяко-самоедская) грамматика, Ленинград.
- Серебрянников Б. А. 1967, Историческая морфология мордовских языков, Москва.
- 1974, О двух способах выражения прямого объекта действия в уральских языках. — ALHung. XXIV (1—4), Budapest, 347—350.
- Современный казахский язык. Фонетика и морфология, Алма-Ата 1962.
- Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология, Москва 1969.
- Учаев З. В. 1982, Марий йылме, Йошкар-Ола.
- Hogref, A. 1934, A magyar nyelvjárások, Budapest.
- Tauli, V. 1966, Structural Tendencies in Uralic Languages, the Hague.
- Wickman, B. 1955, The Form of the Object in Uralic Languages, Uppsala.

G. M. TUZAROV (Joškar-Ola)

ON THE PROBLEM OF UNMARKED CASES IN MARI

In the Mari language linguists recognize the existence of two accusative cases: a definite accusative and an indefinite (unmarked) accusative. The author of this article considers the idea of the indefinite accusative to be not proved. In his work on the problem of the unmarked noun he propounds the following question: if scholars accept the existence of the unmarked accusative, why would they not speak of the unmarked genitive, the unmarked dative, etc? The author denies the existence of the unmarked accusative in the Mari language as well as the unmarked genitive and the unmarked dative. The unmarked nouns are qualified by the author as the forms of the nominative. The article also deals with the problem of the origin of unmarked nouns.